

Е. Спекторский

**Очерки по философии
общественных наук. Выпуск
1**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Е11

Е11 **Е. Спекторский**
Очерки по философии общественных наук. Выпуск 1 / Е. Спекторский – М.:
Книга по Требованию, 2017. – 255 с.

ISBN 978-5-458-54314-9

ISBN 978-5-458-54314-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

	Стран.
Проблема социальной механики у Гоббеса	141
Та же проблема у Спинозы	142
Теоретическія особенности новаго обще- ствовѣдѣнія	144
Его неудача	151
Неудача Гуго Гроція	152
Неудача Спинозы	154
Проблема общественныхъ законовъ у Спинозы	157
Юридическое происхожденіе понятія ра- ціональнаго закона	158
Примѣненіе его въ физикѣ	162
Примѣненіе его въ этикѣ	164
Проблема естественныхъ законовъ обще- житія у Адама Смита	166
Та же проблема у физиократовъ	168
Та же проблема у Канта	172
Глава VII. Общественные мотивы въ теоретической философіи начала XIX вѣка.	
Теоретическая революція въ началѣ XIX в.	177
Перемѣна въ пониманіи Спинозы.	177
Позитивизмъ	187
Его значеніе у Конта.	188
Вьѣконтонскій позитивизмъ во Франціи	192
Вьѣконтонскій позитивизмъ въ Германіи.	194
Позитивизмъ какъ ретроградная публи- цистика	195
Позитивизмъ какъ ретроградная теорети- ческая философія.	197
Двойной смыслъ метафизики у Конта	198
Положеніе естественной философій въ началѣ XIX вѣка	205
Отголоски французской революціи въ нѣ- мецкой метафизикѣ начала XIX вѣка	210
Шеллингъ и позитивизмъ	223

	Стран.
Обществовъдѣніе подѣ вліаніемъ теоретической революціи въ началѣ XIX вѣка	228
Новое пониманіе общественныхъ законовъ	230
Превращеніе нравственной проблемы въ историческую	232
Историзмъ XIX вѣка	233
Его метафизическіе и публицистическіе мотивы	233
Савиньи	236
Соціологія.	240
Марксизмъ.	243

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящіе „Очерки” представляют не болѣе какъ приведенныя отчасти въ историческую, отчасти въ систематическую связь обломки иного, несравненно болѣе притязательнаго труда, именно попытки „обосновать” общественныя науки на т. н. теоріи познанія. Автору казалось, что эти науки переживаютъ тяжелый кризисъ, и что единственное спасеніе ихъ лежитъ въ теоріи познанія, которая одна можетъ вывести ихъ на путь истины, замѣнить старыя науки новыми или существенно видоизмѣнить старыя науки, сообщить имъ новую глубину и основательность. Однако осуществимость и даже необходимость такого предпріятія оказывались все болѣе и болѣе сомнительными, по мѣрѣ того какъ замыселъ переходилъ въ исполненіе. И, наконецъ, авторъ совсѣмъ отказался отъ своей задачи и даже сталъ отрицательно относиться къ ней.

„Теорія познанія”, съ ея, въ сущности, безвыходными затрудненіями, а также вся вообще теоретическая философія, возникшая, можно сказать, исключительно на почвѣ физическихъ проблемъ и доннынѣ питающаяся ими, или не прибавляютъ ничего существенно новаго къ общественнымъ наукамъ и тѣмъ нравственнымъ проблемамъ, которыя въ нихъ ставятся, или же осложняютъ и запутываютъ ихъ метафизическими проблемами. Таковы, напримѣръ, про-

блемы внѣюридическихъ и внѣморальныхъ естественныхъ законовъ общежитія, его естественныхъ же факторовъ, антиноміи каузальности и телеологіи, детерминизма и индетерминизма и т. п. Все это вмѣсто ожидаемой глубины сообщаетъ общественнымъ наукамъ темноту и неясность. Необходимо возможно болѣе очистить ихъ отъ этихъ недостатковъ, возвратить ихъ къ той простотѣ и непосредственности, которою онѣ отличались въ античномъ мірѣ. Тогда легче и плодотворнѣе будетъ заниматься философіею общественныхъ наукъ, ихъ настоящею философіею, ихъ настоящею теоріею познанія, именно нравственною философіею.

Въ настоящемъ выпускѣ „Очерковъ” авторъ старался подтвердить это на примѣрѣ наиболее типичныхъ попытокъ теоретическаго пересозданія и углубленія нравственныхъ наукъ. Этотъ выпускъ появляется на свѣтъ нѣсколько раньше, чѣмъ авторъ предполагалъ. Этимъ если не оправдываются, то объясняются его неполнота и архитектурическіе недочеты.

Пользуясь случаемъ выхода въ свѣтъ своей первой книги, авторъ приноситъ сердечную признательность юридическому факультету Варшавскаго университета за довѣріе и вниманіе къ его научной работѣ, своему учителю проф. А. Л. Блоку, а также Г. Б. Ительсону — за оказанное ими на него вліяніе, и, наконецъ, О. П. Буку, А. К. Сарандо и Г. В. Тарановскому—за бесѣды и споры, въ которыхъ онъ испытывалъ свои мысли.

ВВЕДЕНИЕ.

Общественныя науки и теоретическая философія.

Науки, занимающіяся въ томъ или иномъ видѣ человѣческимъ общежитіемъ, почти также стары, какъ и родъ человѣческій. Но въ серьезное соприкосновеніе съ проблемой науки, какъ предметомъ спеціального философскаго изслѣдованія, онѣ вступили сравнительно очень недавно. Какъ теоретическія науки, сознающія себя таковыми и болѣе или менѣе упорно стремящіяся стать таковыми и притомъ непремѣнно примѣнительно къ тѣмъ или инымъ философскимъ ученіямъ о сущности и задачахъ науки,—это, если не считать правовѣднія, уже въ средніе вѣка заботившагося объ этомъ,—такъ сказать, вчерашнее явленіе, возникшее едва ли ранѣе ХVІІ вѣка и донынѣ еще далеко не опредѣлившееся. До тѣхъ же поръ онѣ главнымъ образомъ, если не исключительно, служили практическимъ житейскимъ потребностямъ, мало справляясь о томъ, въ чемъ видѣла истину теоретическая философія и какими путями искала она ее. Такъ называемая житейская мудрость, т. е. дѣйствительное или только воображаемое умѣніе практически ориентироваться въ личной и публичной жизни, существуетъ съ незапамятныхъ временъ; и она успѣла накопить множество въ своемъ родѣ превосходныхъ правилъ. А между тѣмъ проблема чисто теоретической науки о человѣкѣ и об-

ществѣ возникла совсѣмъ недавно; и до сихъ поръ она никакъ не можетъ быть вполне удовлетворительно рѣшена или даже просто поставлена съ надлежащею ясностью и опредѣленностью. Юристы, какъ замѣтилъ Кантъ, донинѣ никакъ не могутъ опредѣлить теоретически, что такое право. Но это имъ нисколько не мѣшало въ теченіе тысячелѣтій рѣшать вопросы судебной практики съ поразительной въ иныхъ случаяхъ виртуозностью. Такъ называемое политическое искусство практиковалось и обсуждалось еще тогда, когда ни о какихъ теоріяхъ государства никто и не помышлялъ. Экономика, можно сказать, почти вплоть до второй половины XVIII вѣка понималась просто какъ домоводство, какъ умѣніе вести хозяйство.

Если не считать тѣснаго круга ученыхъ теоретиковъ, въ такомъ же чисто житейскомъ смыслѣ понимается знаніе общезжитія еще и донинѣ. Жизнь считается школой болѣе надежной, чѣмъ кабинетныя ученія. Большинству людей плохо вѣрится, что для того, чтобы лучше понимать общественную жизнь, ее слѣдуетъ превратить изъ извѣстной величины въ неизвѣстную, въ предметъ безконечныхъ книжныхъ изслѣдованій и споровъ или же что для этого, какъ утверждаютъ иные теоретики, слѣдуетъ исходить изъ тѣхъ или иныхъ абстрактныхъ логическихъ, метафизическихъ или естественно-научныхъ понятій. Если даже и соглашаются признать истиннымъ то, что говорится въ такихъ случаяхъ по общественнымъ вопросамъ, то подобнаго рода истины тѣмъ не менѣе отвергаются какъ нѣчто совершенно неумѣстное и непригодное, когда дѣло доходитъ до практики. Кантъ могъ изумляться такому отношенію къ теоріи. Онъ могъ даже не безъ убѣдительности „опровергать” его¹⁾). Но отъ этого положеніе дѣла нисколько не измѣнилось.

Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Отвлеченный интересъ къ чистому знанію, несмотря на увѣренія иныхъ фило-

---

¹⁾ См. его статью: Ueber den Gemeinspruch: Das mag in der Theorie richtig sein, taugt aber nicht für die Praxis.

софовъ, что онъ естественно присущъ воёмъ людямъ¹⁾, представляетъ чрезвычайно изысканную и донинѣ далеко не самую насущную умственную потребность. Интересъ къ наукѣ для науки, подобно интересу къ физическому упражненію только для упражненія, есть своего рода высшій спортъ или роскошь, предполагающая или совершенно исключительныя чело-вѣческія природы или же наличность очень высокой обществен-ной культуры и частичное по крайней мѣрѣ освобожденіе ум-ственной энергіи отъ заботъ объ удовлетвореніи болѣе неот-ложныхъ потребностей. *Primum vivere, deinde philosophari.* Задолго до возникновенія философскаго интереса къ теорети-ческой наукѣ и, тѣмъ болѣе, задолго до мало-мальски удовле-творительнаго разрѣшенія вызываемыхъ имъ проблемъ, на ко-торыя окончательный отвѣтъ можетъ дать одна только вѣч-ность, челоувѣческой мысли приходится изощряться главнымъ образомъ въ вопросахъ практическаго умѣнія—умѣнія удовле-творять тѣ или иныя насущныя житейскія потребности.

Такова потребность матеріальнаго самосохраненія, потреб-ность даже не хорошо жить—это, какъ училъ Аристотель²⁾, уже высшая потребность,—а просто жить въ самомъ элемен-тарномъ смыслѣ слова, поддерживать свое физическое суще-ствованіе пищей, одеждой, жильемъ. Еще у Гомера словомъ „мудрость“ обозначалось ремесло плотника³⁾; и даже Сократъ, если вѣрить Ксенофону, не отличалъ мудрости отъ практи-ческаго благоразумія⁴⁾. Къ удивленію Геродота⁵⁾, никто изъ египтянъ, не исключая жреческой интеллигенціи, не интере-совался „природой“ Нила и не могъ ему объяснить причины его періодическихъ разливовъ, хотя эти разливы и эксплуати-ровались очень искусно для земледѣльческихъ цѣлей. Меди-

---

1) Аристотелева „Метафизика“ начинается словами: „всѣ люди отъ природы стремятся къ знанію“.

2) Политика I, I, 8.

3) Илиада XV, 412.

4) Memorabilia III, IX, 4.

5) Исторія II, 19.

пина, какъ искусство лѣчить болѣзни, была извѣстна и практиковалась тогда, когда еще не знали ни анатоміи, ни физиологіи, ни патологіи человѣческаго организма и когда всѣмъ этимъ еще никто не интересовался.

Такова, далѣе, потребность социальнаго самосохраненія, необходимость ограждать и поддерживать существованіе отдѣльныхъ лицъ и группъ въ обществахъ и отдѣльныхъ обществахъ въ человѣчествахъ. Эта потребность еще донинѣ почти совершенно исключаетъ всякій иной интересъ къ общежитію. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда стараются построить чисто теоретическія и отвлеченныя общественныя науки, эта естественная практическая потребность осложняется, запутывается и затемняется, но не вытѣсняется новыми нерѣдко совершенно искусственно возникающими задачами и не подчиняется имъ.

Такова, наконецъ, потребность, такъ сказать, метафизическаго самосохраненія. Въ наиболѣе, казалось бы, отвлеченной отъ всего практическаго области религіозной метафизики умѣніе идетъ впереди знанія. Въ древнѣйшія времена римской исторіи оно дошло до такого совершенства, что на почвѣ дѣловыхъ сношеній людей съ божествами сложилась даже спеціальная практическая понтификальная юриспруденція. Техника богопочитанія культивируется раньше теорій богопознанія, особенно сведенныхъ въ мало-мальски стройную систему. Культъ предшествуетъ догматамъ, теургія—теологіи. Люди приносятъ жертвы, молятся, поклоняются—иногда завѣдомо невѣдомымъ богамъ, какъ удивлялся апостоль Павелъ въ Афинахъ,—и гораздо лучше знаютъ, какъ слѣдуетъ поклоняться, чѣмъ кому собственно они поклоняются; направляютъ свои усилія къ обезпеченію себѣ метафизическихъ благъ или по крайней мѣрѣ къ отвращенію отъ себя метафизическихъ опасностей, хотя, казалось бы, было бы проще поставить сначала вопросъ о томъ, дѣйствительно ли существуютъ всѣ эти блага и опасности и не созданы ли они ихъ собственнымъ воображеніемъ.

Даже по отношенію къ математикѣ исключительно теоретическій интересъ представляетъ сравнительно позднее яв-

леніе. Нисколько не интересуясь теоріей чиселъ, счетомъ очень долго пользовались единственно для хозяйственныхъ, торговыхъ, военныхъ и т. п. надобностей. А геометрія, какъ видно уже изъ ея названія, была не болѣе какъ практическимъ землемѣріемъ или, какъ предпочиталъ выражаться Руссо, порожденіемъ скуности. Если теоріей чиселъ, правда еще въ метафизической формѣ, занялись уже пифагорейцы, то въ геометріи даже Сократъ, по крайней мѣрѣ по словамъ его біографа-утилитариста Ксенофонта, видѣлъ лишь средство для мѣжеванія полей¹⁾; а чисто теоретическія занятія математикой, несмотря на то, что онъ въ ней „не былъ несвѣдущъ“²⁾, онъ признавалъ совершенно бесполезными, если даже не вредными. Впервые Платонъ заинтересовался геометріей исключительно „ради познанія“³⁾ и поставилъ вопросъ о математикѣ какъ достовѣрной наукѣ и какъ орудіи познанія физическаго міра; но и онъ еще не отрѣшился вполне отъ практическихъ соображеній: не для купли и не для продажи, утверждалъ онъ, слѣдуетъ заниматься математикой, а—для войны и также для того, чтобы съ ея помощью подняться „до истины и сущности вещей“⁴⁾.

Превращеніе математики и естествознанія изъ ремесль, изъ практическихъ дисциплинъ въ теоретическія науки, можно сказать, уже вполне завершено. И оно произошло вполне естественно и необходимо. Общественныя науки находятся въ иномъ положеніи. Для нихъ это превращеніе началось сравнительно недавно. И оно совершается въ такой искусственной и неразъ совершенно метафизической формѣ, что не безъ основанія можетъ возникнуть вопросъ, дѣйствительно ли онѣ по особенностямъ своихъ объектовъ нуждаются въ такомъ превращеніи и дѣйствительно ли въ этомъ отношеніи имъ мо-

---

1) Memorabilia IV, VII, 2.

2) Тамъ же IV, VII, 5.

3) Республика 527 В.

4) Тамъ же 525 С.

жетъ оказать существенную помощь теоретическая философія съ ея спеціальными проблемами. Послѣдній вопросъ особенно нуждается въ выясненіи. Въ настоящее время интересъ къ теоретической философіи или, какъ чаще выражаются, къ „теоріи познанія” — правильнѣе было бы сказать „теоріямъ познанія”, потому что такихъ теорій много,—до того охватилъ обществовѣдовъ, что они ради теоріи познанія почти совершенно забываютъ просто о познаніи своихъ спеціальныхъ объектовъ. Увлеченіе это пока дало больше отрицательныхъ, чѣмъ положительныхъ результатовъ. И, быть можетъ, обществовѣдамъ полезнѣе было бы или вообще отложить теоретико-познавательное попеченіе или же, признавъ своей теоріей познанія просто твердое намѣреніе знать какъ можно больше и какъ можно яснѣе, вступитъ затѣмъ, не мудрствуя лукаво, *in medias res* своихъ спеціальныхъ проблемъ. Но для этого надо сначала упростить эти проблемы, запутавшіяся до невозможности. А для этого вполне достаточною философіей является самый безхитростный здравый смыслъ. Всякія же другія болѣе замысловатыя комбинаціи между теоретическою философіею и общественными знаніями скорѣе затемняютъ, чѣмъ выясняютъ дѣло. Объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія попытокъ, дѣлавшихся въ этомъ направленіи. Мы отмѣтимъ въ самыхъ общихъ чертахъ основныя моменты этой исторіи, а затѣмъ сосредоточимся на одной изъ самыхъ поучительныхъ во всѣхъ отношеніяхъ попытокъ, именно на попыткѣ построить тѣмъ или инымъ путемъ универсальное абстрактное обществовѣдѣніе, аналогичное механикѣ или физикѣ.